

РУССКАЯ ГИМНАЗИЯ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ (20е годы XXв.)

Сложный процесс возрождения традиций гимназического образования объективно требует основательного осмысления исторического опыта деятельности русской гимназии на протяжении всего периода ее существования в системе образования страны. Известно, что отечественная гимназия официально прекратила свою деятельность в послереволюционный период, когда средняя школа советской России стала единой трудовой школой. Однако гимназические традиции среднего образования на этом не оборвались. С первой волной эмиграции русская гимназия продолжила работу в сложных условиях зарубежья.

Наше исследование деятельности русской гимназии за рубежом носит сравнительный характер. Основное внимание мы уделили анализу основных ценностей гимназического образования России в XIX в. и в условиях зарубежья начала XX в.

Важные вопросы и проблемы среднего образования детей российских эмигрантов обсуждались на страницах русских газет и журналов, выходивших в свет в 20е г. за рубежом. Материалы прессы 20х годов нашего столетия, посвященные деятельности русской гимназии, позволили нам выявить и проанализировать основные ценности гимназического образования в изменившихся условиях.

Если гимназии в России всегда оставались государственными учебными заведениями, находились под управлением и контролем МНП, то русские гимназии за рубежом возникли по инициативе самих эмигрантов. Центральной общественной русской организацией, ведающей нуждами беженской школы, и взявшей на себя основной труд по обеспечению деятельности средних школ был Российский Земскогородской комитет. В отдельных странах организацией обучения занимались Комитеты Русских Эмигрантов (Эстония, Латвия), Русский Попечительный Комитет (Польша), Объединения Земских и Городских деятелей (Франция, Чехословакия, Финляндия). Оказавшихся в эмиграции русских детей школьного возраста насчитывалось 1820 тысяч." И хотя при организации русских школ за рубежом им оказывалась посильная помощь местных правительств, гимназии приобрели не государственный, а общественный характер, без инициативы общественных организаций и частных лиц они существовать не могли. Оказавшись за пределами Родины, русские эмигранты делали все возможное для организации гимназического обучения детей, что свидетельствует о понимании ими ценности образования, признании гимназий достойным типом средней школы.

На 1 января 1924г. в Европе насчитывалось 43 русских средних учебных заведения. 6937 детей обучались в различных типах средних школ, 4380 проживали в интернатах на полном содержании. Большое количество русских средних школ было в Славянских государствах и на Балканах 26. Правительства Югославии, Болгарии, Чехословакии оказывали активную поддержку русским школам. Отличительной особенностью эмигрантского среднего образования в Скандинавских странах и Польше (11 школ) было то, что там оставались еще бывшие имперские русские школы и проживало немало русских среди людей коренных национальностей. В странах центральной части Западной Европы подобных благоприятных условий не было. Поэтому в Германии, Франции оказалась наиболее состоятельная часть эмиграции, имеющая иностранные связи и способная позаботиться об образовании детей самостоятельно. В этих условиях было организовано 6 школ.² Местные условия оказали существенное влияние на процесс распространения русских школ за границей.

Под влиянием рассмотренных факторов и вследствие изменения характера школы произошли перемены и в учебно-воспитательном процессе русской гимназии за рубежом. Главной задачей русской средней школы в условиях эмиграции было "дать детям русских беженцев образование и воспитание в истинно-национальном и патриотическом духе на православных началах", "сохранить русских детей для будущей России".³ Гимназия и за рубежом оставалась русской школой. Жизнь в условиях эмиграции сделала школу по существу единственной, кроме семьи, возможностью сохранения родной культуры. Местные власти настаивали на изучении русскими детьми языка, литературы, истории, географии приютившей их страны. Понимая объективность и гуманность этого требования и в целом принимая его, русские гимназические учителя при этом не отказывались от своей благородной цели сохранять национальный характер русский гимназии.

В докладе князя П.Д. Долгорукова "О мерах борьбы против денационализации русских беженских детей" на совещании в Праге (1924) звучала искренняя озабоченность данной проблемой: "Когда нет возможности создать русское полное учебное заведение и когда дети помещаются в иностранные школы, особенно в интернаты, то во избежание денационализации их, следует устраивать дополнительные русские курсы по преподаванию Закона Божия, русского языка и литературы, истории и географии России, родиноведения"⁴. Несмотря на отсутствие объективных причин и условий для сохранения национального характера русской школы, общественная мысль не отказалась от этой идеи. Национальные ценности образования были безоговорочно признаны приоритетными именно тогда, когда русская гимназия оказалась в самых неблагоприятных для их реализации условиях. В России же второй половины XIX века данная проблема обсуждалась не раз (Н.Ф. Бунаков, В.И. Водовозов, К.Д. Ушинский и др.), но полного практического воплощения так и не получила.

В крайне сложных условиях оказались русские учителя и воспитатели. "При помощи чего выявлять сознательно-национальные чувства? При помощи слова? Но детям этого мало, писал один из них. Нужны краски и формы, а их нет. Нужны книги с иллюстрациями, книги и журналы, много книг и журналов. Они так же необходимы, как и хлеб насущный"⁵. Но несмотря на отсутствие материального обеспечения и оснащения, даже литературы, удавалось сделать практически невозможное: в эмигрантской прессе можно прочесть и о гимназическом оркестре, который с успеху устроил концерт из произведений русских композиторов, и о спектакле "Лес" по А.Н. Островскому, участниками которого были воспитанники и педагоги гимназии.⁶

В распорядке дня русской гимназии в Шумене (Болгария) отведено место молитве перед занятиями, а интернат при этой гимназии назывался "Моя Маленькая Россия". В 1930г. воспитанники интерната отвечали на вопросы анкеты: "Ты русский или болгарин и почему ты считаешь себя русским (болгарином)?", "Что ты знаешь о России и любишь ли ты ее?" Приведем для примера некоторые ответы детей: "Я русский, потому что больше всего люблю Россию", "Я русский... не знаю, почему я русский", "О России ничего не слышал", "Россия была наша, теперь там коммунисты", "Россия очень большая. Я люблю Россию"⁷. Ответы детей со всей очевидностью свидетельствуют, как сложна была задача сохранения национального духа школы, как много сделано русскими учителями для решения этой задачи. Вместе с тем в детских словах чувствуется, как исчезает, уходит из их душ то родное и неповторимое, что называют чувством Родины, как глубока трагедия этих детей, выросших далеко за ее пределами.

Сравнивая основные задачи гимназии, действовавшей в России и в эмиграции, воспитатель интерната Шуменской гимназии Александр Петрович Дехтерев писал: "Русская школа в эмиграции выступает в новой уже для нее роли, о которой трудно

было и думать в прежнее время: в роли не только охранительницы национального лица русских детей, но, и больше того, спасительницы их человеческого лица"⁸. Так осмысление национальных ценностей было взаимосвязано с ценностями общечеловеческими, что, является и сегодня одной из актуальных проблем гимназического образования.

Изменившиеся условия существования гимназий повлияли на содержание образования в них. Русская средняя школа 20х г. за рубежом работала по учебным планам гимназий и реальных училищ, утвержденным МНП дореволюционной России. Так, планы классических гимназий реализовывались в Варненской и Софийской гимназиях (Болгария), русской гимназии в Праге (Чехословакия), Берлинской и гимназии в Данциге (Германия) и других. Среди реальных училищ можно назвать Пановичское реальное училище (Югославия), гимназию в Нарве (Эстония), приют-школу в ЭрленКей (Турция). Значительное число гимназий в условиях зарубежья нашли наиболее целесообразной ту модель гимназического образования, которая была предложена графом П.Н. Игнатьевым, но так и не была реализована в России. По данному учебному плану был организован образовательный процесс в Салоникской гимназии (Греция), Шуменской, Пловдивской, Пещерской (Болгария), русской гимназии в Моравской Тржебове (Чехословакия), Гельсингфорской (Финляндия) и многих других. "Игнатьевская" модель позволяла осуществлять непрерывность образования, что в условиях эмиграции было крайне важно, обеспечивала выбор учащимися классического или реального направления образования, кроме того, в учебных планах было предусмотрено достаточно времени на факультативные курсы, которые были заменены изучением языка, литературы, истории, географии страны, где находились гимназии, не внося существенных изменений в учебные планы.

Таким образом, реформа среднего образования, задуманная министром П.Н. Игнатьевым, которую мы знали только по документальным источникам, прошла проверку на практике, правда не в России, но в русской гимназии. Основные ее положения оказались невостребованными на родине в предреволюционное время, однако в сложных условиях деятельности за рубежом русская школа воспользовалась именно этой моделью без каких бы то ни было указаний "сверху".

Предложения П.Н. Игнатьева позволяли осуществить на практике, пре творить в жизнь те ценности, которые были объективно необходимы в новых условиях: учет национальной и региональной специфики, социально экономического развития страны, потребности в выпускниках, готовых для работы по какой-либо специальности, индивидуальных способностей гимназистов. Педагоги воспользовались также возможностью самостоятельно распределять учебный материал, дополнять и конкретизировать его, осуществлять связь преподавания с решением воспитательных задач. На наш взгляд, именно эти общепедагогические ценности послужили основанием широкого распространения идей П.Н. Игнатьева в эмигрантский период деятельности гимназий.

В отличие от традиционной для отечественной гимназии цели подготовки выпускников к получению высшего образования, русская эмигрантская школа не могла следовать этим курсом, т.к. не была преемственно связана с местными университетами. Часть русских гимназий обеспечивала выпускникам достаточно высокий уровень общего образования, и они получили право поступления в высшие учебные заведения. Так, за три года существования парижской школы успешно окончили курс 180 учащихся, большая часть которых продолжила образование. Абитуриентам гимназии Св. Георгия в Берлине был открыт доступ в высшие германские школы. Русская гимназия в Данциге в 1923 году выпустила 59 человек, в 1924 29. Все они пользовались правом поступления в высшие учебные заведения Западной Европы.

Часто проблемы материального характера препятствовали продолжению образования. Поступившие в чехословацкие высшие учебные заведения выпускники гимназии в Моравской Тржебове (в 1922г. 173, в 1923 64 человека) вынуждены были рассчитывать на материальную поддержку чехословацкого правительства. А выпускники Софийской гимназии, работая на заводе, в складчину содержали одного из своих товарищей стипендиатом в университете⁹.

Случалось, что по причинам иного характера русские не могли получить высшего образования. Так, требования по эстонскому языку на выпускных экзаменах в русской гимназии в Нарве, дающие абитуриентам право поступления в Юрьевский университет, были настолько высоки, что гимназия вынуждена была временно отказаться от этих прав.

Русская гимназия за рубежом пыталась сохранить за собой традиционное право готовить молодежь к получению высшего образования, подтверждая тем самым безусловную ценность общей культуры и образованности для жизни в новых условиях.

Однако, уже далеко не все гимназисты могли рассчитывать на получение высшего образования. Поэтому гимназическое образование в эмиграции постепенно ориентируется на новые ценности практического и даже профессионального характера. Трудно назвать такую русскую гимназию за рубежом, где не преподавались предметы так называемого "реального" цикла дисциплин, которые обеспечивали предварительную практическую подготовку к будущей деятельности в области техники, сельского хозяйства или коммерции. Законоведение, правоведение, коммерческие науки, политическая экономия, национальная экономика, естествоведение, педагогика, химия, рисование и черчение эти и другие учебные дисциплины обеспечивали практическое направление гимназического образования и подготовку к реальной жизни. Как правило, предметы данного направления преподавались на языке той страны, где находилась гимназия, и это было вполне оправданным, т.к. без знания языка невозможно было найти работу.

Русская эмигрантская школа осознала новые задачи и ценности, зафиксировала их в документах и в учебных планах, и программах. При подготовке Съезда деятелей средней и низшей русской школы за границей (Прага, 1923г.) был принят документ, в котором в качестве первоочередной была поставлена следующая задача: "Русской беженской школе (в Финляндии) подлежит усвоить практический характер и давать оканчивающим ее знания, которые они могли бы использовать в жизни тотчас же по окончании школы"¹⁰. Трудовое начало все настойчивее проникало в русские гимназии; в некоторых из них действовали мастерские, где можно было обучиться какому-нибудь ремеслу (столярному, слесарному, сапожному, переплетному, резьбе по дереву, садоводству, огородничеству), что следует рассматривать как значительную социальную поддержку и помощь вступающему в самостоятельную жизнь выпускнику гимназии.

Интересно отметить, что ценности практико-ориентированного образования оказали влияние и на воспитательный процесс. "Гимназия стремится развить в учениках максимум самостоятельности", "сделать выпускников более приспособленными к жизни и к самостоятельному заработку", так по-новому формулировались задачи русской школы за рубежом, которая обязана была воспитывать людей, способных нести ответственность за свою судьбу, свое дальнейшее образование и существование. Директор первой русско-сербской гимназии в Белграде профессор В.Д. Плетнев, определяя цель общечеловеческого воспитания, писал о личности, "обладающей наибольшей нравственной свободой, критическим разумом и проникнутой в своем духе началами всемирного братства".¹¹ Так оказались диалектически связанными ценности образования, ориентированного на практику, на профессию, с ценностями личностного характера свободой, ответственностью,

самостоятельностью. Умения, навыки, ремесла, овладение профессией также становятся ценностями, которые можно приобрести в ходе гимназического обучения. В целом складывающуюся в 20е годы тенденцию практической направленности гимназического образования можно признать положительной, если при этом обеспечивается и реальная возможность получения высшего образования, а свой выбор каждая личность могла сделать осознанно и самостоятельно.

Материальные условия и кадровое обеспечение русских гимназий за рубежом было различным. К примеру, Салоникская гимназия помещалась в одном из бараков лагеря русских беженцев, часть оконных рам забиты картоном, нет света. Крыши и потолки неисправны. Зимой настолько холодно, что заниматься приходилось в теплой одежде. Русская гимназия в Данциге арендовала помещения одной из местных школ, поэтому дети здесь учились от 3 до 8 часов вечера. Естественный кабинет скуден, библиотеки не было совсем, учебных пособий недостаточно.

Но среди русских школ и такие, которым удавалось организовать вполне приемлемые условия для обучения молодежи. В первую очередь необходимо отметить, что в Скандинавских странах (Финляндия, Латвия, Эстония) положение русской школы характеризовалось как относительно благополучное. Так, Выборгский лицей (Финляндия) образовался из слияния двух бывших правительственных русских школ реального училища и женской гимназии. Лицей занимал двухэтажное каменное здание, сохранил богатое оборудование, библиотеку, неплохо оснащенные химический и физический, естественно исторический кабинеты, рисовальный класс, гимнастический зал. Из существовавшей до революции в Гельсингфорсе Александровской мужской гимназии (образцового учебного заведения Российской империи) преемственно возникла Гельсингфорская гимназия, где обучались совместно и девочки, и мальчики из семей русских эмигрантов. Таким образом, русские гимназии в этих странах можно рассматривать как "остатки" бывших имперских русских школ с их оборудованием и оснащением.

Отличительной особенностью гимназии в Моравской Тржебове (Чехословакия) считалось то, что она избавлена от материальных лишений и постоянной неуверенности в завтрашнем дне. Характерно, что в 1923г. ученическая библиотека этой гимназии насчитывала 10000 томов. В Шуменской гимназии (Болгария) неплохо оборудованы физический и химический кабинеты, есть даже своя больница, в библиотеке 5000 томов.

Гимназии в условиях эмиграции, как правило, не испытывали недостатка в педагогах. В 1923г. в Афинской гимназии 32 учащихся при 9 педагогах, в Салоникской гимназии в 1922/23 учебном году 58 учащихся при 10 преподавателях, причем, педагоги, если не хватает у гимназии средств на оплату их труда, учат бесплатно. Преподавательский состав русской гимназии в Париже 18 человек, исключительно кадровые педагоги с большим стажем, несколько профессоров. В Берлинской гимназии 23 преподавателя (139 учащихся), из них 18 с высшим образованием, 21 с педагогическим стажем. Оказавшись в эмиграции, русские педагоги по собственной инициативе объединялись в различные кружки профессионального характера, проводили совещания, выпускали газеты и журналы. Все это позволило им обсуждать проблемы образования и воспитания русской молодежи, обмениваться опытом, оказывать посильную помощь нуждающимся в ней. Можно отметить, что в эмиграции в полной мере продолжились традиции общественно-педагогического движения отечественных деятелей науки, культуры и образования, а вопросы воспитания подрастающих поколений по-прежнему оставались "вопросом жизни" русского интеллигента.

Отношение к гимназии в русской семье изменилось в условиях эмиграции: гимназия перестала восприниматься как препятствие, которое ребенку необходимо

преодолеть. Русская школа стала единственным институтом в эмиграции, который мог уберечь детей от нравственного опустошения. Гимназия, не снимая с себя ответственности за полноценное среднее образование детей, продолжила считать своей заботой и их воспитание, организацию их внеучебной деятельности. Отметим, что церковь оставалась центром всей воспитательной работы в гимназии. "Православная церковь, устроенная в отдельном бараке, оборудованная и укрепленная стараниями самих учеников, усердно посещается и является интимным центром внутренней жизни гимназии", таким или подобным образом были организованы церкви практически при всех русских гимназиях.

Для обеспечения разнообразной образовательно-воспитательной деятельности и удовлетворения личных интересов гимназистов при школах были организованы кружки, которые работали во внеучебное время, научные, литературные, художественные, спортивные и др. формы. Кружки коллекционеров всякого рода, фотографов, химиков, любителей ручного труда, библиотечный кружок, культурно-просветительный, художественный численностью 318 человек, успешно работали в 20е годы при гимназии в Моравской Тржебове. Гимназия в Нарве организовала для учащихся литературный, музыкальный, художественный и спортивный кружки.

В условиях эмиграции возродили такую форму деятельности как литературные беседы, которые были популярны в отечественной гимназии второй половины XIXв. Для участия в литературных беседах гимназист должен был составить доклад на литературную, научную или общественно-историческую тему и публично выступить с ним. В литературных беседах принимали участие и педагоги, выступая с лекциями и докладами по внепрограммным предметам.

Силами гимназистов ставились спектакли, концерты, организовывались танцевальные вечера. Гимназисты посещали исторические места, памятники, музеи. В целом ряде учебных заведений издавались детские рукописные журналы на русском языке. Вся разнообразная внеучебная деятельность, которая не была характерна для отечественной гимназии предыдущего периода, обеспечивала индивидуальный подход к ребенку и подростку, давала детям возможность реализовать свои интересы в рамках родной культуры.

Жизнь в незнакомых сложных условиях приводила к тому, что среди учащихся и педагогов устанавливались поистине теплые, дружеские отношения, которые сохранялись и после окончания гимназии. Не менее важная задача освоения языка и культуры ближайшего окружения тоже решалась педагогами гимназий. Известен опыт раздачи на летние каникулы 115 учащихся Тржебовской гимназии в чешские семьи по деревням и городам. С первых дней между хозяевами и детьми установились самые доверчивые и сердечные отношения. "Радужные чехи старались дать почувствовать русским детям теплоту семьи", а дети быстро осваивали язык и обычаи, охотно принимали участие в работах семей.

Таким образом, следует отметить, что неизменными остались ценности православной веры, но значительно большее значение, чем в гимназиях предыдущего периода развития, получили ценности общечеловеческого, гуманного содержания.

Мы предприняли попытку сравнительно-сопоставительного анализа деятельности русской гимназии в России в период второй половины XIXв. и короткого по продолжительности периода "эмиграции" этого типа школы с целью выявления ведущих, непреходящих ценностей отечественного среднего образования.

Опубликованные на русском языке немногочисленные факты из истории отечественной гимназии за рубежом позволили нам обозначить те ценности, которые прошли суровую проверку в разных условиях. Среди них мы можем назвать, в первую очередь, ценность самого образования, как среднего, так и высшего, практическую ориентацию гимназического обучения.

В современных условиях возрождения отечественных гимназий важно осознание таких ценностей как общественный характер данного типа образовательных учреждений, национальный дух российской гимназии. Как показало наше исследование, национальные ценности образования бережно охранялись и передавались молодому поколению в эмиграции, что заслуживает глубокого уважения. Однако в тех исторических условиях гимназия вынуждена была воспитывать не столько образованного русского человека, сколько культурного и эрудированного европейца. Это и послужило объективной причиной изменения ценностей гимназического образования.

Примечания

- 1.Зарубежная русская школа. 19201930 гг. Париж. 1924. С.4.
- 2.Там же. С.5.
- 3.Совещание по борьбе с денационализацией, созванное Педагогическим Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Прага. 1924.С.6.
- 4.Там же.
- 5.Дети в эмиграции. Сб. ст./ Под ред. В.В. Зеньковского. Прага. 1925.
- 6.Воспоминания детейбеженцев из России. Обработано и составлено приват доцентом С.И. Карцевским. Прага.1924.
- 7.Дехтерев А.П. С детьми эмиграции. 19201930. Шумен, 1931. С.15.
- 8.Там же.С.15
- 9.Зарубежная русская школа. 19201930 гг. Париж, 1924.
- 10.Бюллетень Организационного Комитета по созыву Съезда деятелей средней и низшей русской школы за границей. Прага, 1923. №1. С.18.
- 11 .Зарубежная русская школа. 19201930 гг. Париж, 1924. С.37.

Русский язык за рубежом – материалы, информация, новости для детей, родителей, учителей школ выходного дня на сайте www.russisch-fuer-kinder.de.